

II. ИСТОРИКИ

В.В. Шапаренко

«ДАРВИНИЗМ» Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ЭВОЛЮЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ

Необыкновенно творчески яркая, но короткая жизнь великого русского учёного привлекает внимание к себе современных исследователей. Кто хоть раз соприкоснулся с трудами Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), не останется к ним равнодушным. Широта натуры мастера столь велика, что позволяет вновь и вновь открывать его как человека и как творца. Н.Я. Данилевский, опубликовав в 1869 г. свой труд «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» и изложив в нём своё видение истории, вряд ли представлял всю масштабность своего открытия.

Анализ исторической концепции Н.Я. Данилевского позволяет утверждать, что в ней переплетаются синхронный и диахронный подходы. В первую очередь Н.Я. Данилевский – синхронист и классификатор. Однако более детальное изучение «России и Европы», личности Н.Я. Данилевского показывает нам, что классификация учёного подчинена идее эволюции. Чтобы понять источники эволюционных оснований методологии, предложенной в отмеченной работе, необходимо обратиться к становлению мировоззрения молодого Н.Я. Данилевского, рассмотреть историческое учение великого русского мыслителя, сопоставив концепцию культурно-исторических типов с основными идеями учения Ч. Дарвина.

Источником для изучения мировоззрения молодого Н.Я. Данилевского служат статьи, которые он писал в студенческие годы для журнала «Отечественные записки». Это две статьи, анализирующие работы французского биолога А. Дютроше (1776–1847), и три статьи, в которых излагалась и комментировалась книга немецкого естествоиспытателя

теля, географа и путешественника А. Гумбольдта (1769–1859) «Космос» [1].

Пожалуй, ключевой фразой к пониманию мировоззрения Н.Я. Данилевского может служить его высказывание, опубликованное под его портретом в третьем издании «Россия и Европа» (1888 г.): «Красота есть единственная духовная сторона материи – следовательно, красота есть единственная связь этих двух основных начал мира».

Молодой учёный захвачен идеей всеобщей гармонии, существующей в природе. Вселенная необычайно целостна, упорядочена и одновременно разнообразна. Книга А. Гумбольдта «Космос», где автор описывает своё представление об устройстве и организации Вселенной, находит понимание у Н.Я. Данилевского. В своей статье, излагая взгляды А. Гумбольдта на роль человека в постижении Вселенной, он пишет, что человек должен «...постигнуть науку в её тройном единстве: философском, эстетическом, практическом. Постигнув же её в этом последнем отношении, он восходит от теории к приложению, делается сам соучастником в творческой деятельности природы, помогая ей в достижении её цели – водворении повсеместной гармонии, достигая тем своего земного назначения, состоящего в обработке, украшении и гармонизации планеты, данной ему Всевышним существом в жилище и управление» [2].

Таким образом, вслед за А. Гумбольдтом Н.Я. Данилевский верит не только повсеместную гармонию, но и в величайшую роль человека как сотворителя этой гармонии. Познавать Вселенную можно «через эстетическое созерцание». Хотя для Н.Я. Данилевского, в первую очередь естествоведника, важным в рассуждениях А. Гумбольдта является именно то, что целостность Вселенной можно доказать эмпирическим путем. «Экспериментальной наукой уже установлено, что свет и теплота, электричество, магнетизм и гальванизм представляют собой проявление чего-то единого» [3].

Характеризуя познание человеком Вселенной, Н.Я. Данилевский отдаёт предпочтение научному познанию перед чувственным как более ёмкому и точному: «...знакомый с природой научно не только пользуется картинами несравненно разнообразнейшими, но и самая идея

единства и целостности жизни природы, смутно и инстинктивно понимаемая чувством каждого человека, будучи в уме его несравненно – резче и определённое, действуя возвратно на чувство, возводит на высшую степень доставленное этим чувством первоначальное тёмное и неопределённое ощущение. Единство в разнообразии, т.е. единство, происходящее через иерархизацию всё в высший и в высший род соединяющихся между собою разнообразных частных, ощутимо для него в картинах природы, тогда как не изучивший её должен довольствоваться одним ощущением какой-то неопределённой общности, или калейдоскопической разности» [4]. Особенно явственно в статье звучит мысль о единстве и гармоничной целостности самой Вселенной, причем она предстает «единой в целом и до бесконечности разнообразной в частях» [5].

Но что очень примечательно, автор не замечает никакого противоборства между частями Вселенной, никакой борьбы. «В самой природе борьба между её элементарными силами только кажущаяся, и всякий ряд противоречий разрешается в гармонию высшего рода... Такая борьба, если не ошибаюсь, называется содействием, любовью» [6]. В природе всё упорядоченно и гармонизировано, следовательно, и человек не должен противопоставлять себя Вселенной, а являясь частью этого огромного единого организма, должен гармонично в него войти. Причём глубокое научное понимание всех природных процессов призвано не отделять человека от Вселенной, а, напротив, помогать ему. Он [человек] не должен освобождаться из-под её власти, а её законы всё глубже и глубже находить тождественными с законами своей собственной природы, выражающими его естественные стремления, и, подчиняясь законам природы, он действует сообразно со своими стремлениями» [7].

Таким образом, можно утверждать, что мировоззрению молодого Н.Я. Данилевского был свойствен сциентистский подход в исследовании и телеологический, эволюционный органицизм в миропонимании.

Представление о невероятной упорядоченности, гармоничной соотнесённости всех элементов во Вселенной и её неоспоримой красоты Н.Я. Данилевский пронесёт через

всю свою жизнь. В последней работе «Дарвинизм. Критическое исследование» Данилевский более чётко обозначит своё миропонимание как «морфологический принцип», которое восходит к юности. Он по существу не менял своих взглядов на природу на протяжении всей своей жизни. Но как разносторонняя, многогранная, ищущая личность Н.Я. Данилевский не проходил мимо нового, которое непременно оставляло след в сознании учёного.

Парадоксальное утверждение, что учение Ч. Дарвина, против которого всю жизнь высказывался Н.Я. Данилевский, явилось методологическим источником концепции культурно-исторических типов, требует обращения к личностным качествам учёного. Следует разобраться, как критикуемая Н.Я. Данилевским концепция Ч. Дарвина легла в основу цивилизационной теории. Что это: беспринципная двойственность, ханжеская критика эволюционной идеи или гениальная интуиция?

Что представлял собой Данилевский как человек и учёный, каким образом формировался его характер? Узнать это помогают воспоминания людей, знавших Н.Я. Данилевского лично.

Об университетской жизни Н.Я. Данилевского в своих мемуарах пишет его близкий друг П.П. Семёнов-Тянь-Шанский. «Николай Яковлевич Данилевский, с которым так тесно были связаны мои университетские годы, так как мы не только жили вместе, но и делили между собой все свои занятия, был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью.

Данилевский обладал огромной эрудицией: перечитали мы с ним, кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии, политической экономии... все лучшие тогда сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений» [8].

Семёнов-Тянь-Шанский отмечает также, что многие знакомые Данилевского: В.Г. Белинский, В. Майков, Ф.М. Достоевский и др. – высоко оценивали «необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию» [9].

Воспоминания друга убедительно свидетельствуют о разносторонности взглядов, интересов, знаний, сформировавшихся ещё у юного Данилевского. Пожалуй, и для самого Данилевского идеалом учёного был не узкомыслящий затворник, а исследователь, не замыкающийся в одной области знания. В студенческие годы Николай Яковлевич вынужден был сам зарабатывать написанием статей в журналы. Неслучайно выбор Данилевского пал на личность знаменитого естествоиспытателя Дютроше. Описывая его воззрения, Данилевский подчеркивает черту, которая была очень важна для самого Данилевского – многогранность взглядов и познаний.

«Дютроше превосходно понимал необходимость обширных сведений по всем частям естествознания, для того, чтобы достигнуть хоть сколько-нибудь значительного успеха в исследовании какой бы то ни было отрасли их. Все люди, говорил он, следуя в этом Декарту, одарены одинаковою способностью судить, то есть выводить правильные заключения из сравнения тех понятий, которые они могут одновременно, разом обнять своим умом. Главное же различие в интеллектуальных способностях заключается в том, что не все люди способны обнять разом одинаковое число понятий; даже для одного и того же человека число это изменяется, смотря по разряду вещей, из которых взяты эти понятия. Так, человек, способный обнять разом только три понятия из пяти или шести, на которых должно основываться суждение, непременно сделает ложное заключение, хотя ему оно будет казаться совершенно справедливым, что действительно так в отношении к нему.

...Очевидно, что недостаточно ещё одной способности обнимать разом много фактов; надо ещё иметь огромное число их в запасе, потому что никогда почти не случается, чтобы делаемый нами вывод должен был исключительно основываться на фактах, собственно нами наблюдаемых... всякий биолог, желающий сделать что-либо хотя несколько значительное, должен непременно, кроме основательного знания ботаники и зоологии, обладать значительным запасом физических и химических сведений» [10].

Несомненно, эти строки Н.Я. Данилевский писал и применительно к себе, ведь всю свою жизнь он не ограничивался областью изучения ботаники. Учёный чётко опре-

деляет своё жизненное кредо – это служение Отечеству посредством научной работы, причём не столько теоретического, сколько практического свойства: изучение флоры и климата, рыбного хозяйства и состояния рыболовства в России, народная статистика и экономика. Удачно сложившаяся карьера государственного чиновника не сделала из Н.Я. Данилевского догматичного канцелярского служаку. Он всегда оставался практиком, предпочитал общаться с живым материалом, в познании шёл индуктивным путём. К середине 1860-х гг. оформляется государственно-мировоззренческая система взглядов ученого, которая находит своё выражение в некоторых политических и экономических статьях, а также в «России и Европе».

В 1849 г. Н.Я. Данилевский защитил магистерскую диссертацию на кафедре ботаники, предоставив описание флоры Орловской области, родной ему с детства. Учёный погружается в работу, и в 1853 г. выходит очень содержательный труд «Климат Вологодской губернии», который был отмечен премией Русского географического общества. В том же 1853 г. Н.Я. Данилевский был командирован участвовать в научной экспедиции на Волге под предводительством К.М. Бэра (зоолога, эмбриолога, географа). Цель научной экспедиции заключалась в исследовании рыбных запасов в низовьях Волги и в Каспийском море.

Близкий друг Н.Я. Данилевского Н.Н. Страхов вспоминал: «Эта командировка определила всю дальнейшую судьбу Николая Яковлевича, он и умер в одной из своих поездок для исследования рыболовства» [11].

Незаурядные способности Данилевского были быстро отмечены руководителем экспедиции, который доверял ему самые ответственные и трудные участки работы. А спустя несколько лет Данилевский уже сам был назначен начальником научной экспедиции на Волгу, Чёрное, Азовское моря, Чудское и Псковское озёра.

Один за другим выходили научные труды, в которых Данилевский описывал и обобщал свой экспедиционный опыт: «Очерк уральского рыбного хозяйства» (1858), «Взгляд на рыболовство в России» (1867), «О мерах по обеспечению народного продовольствия на Крайнем Севере России» (1869), «О способах борьбы с филлоксерою» (1882).

На протяжении всей жизни Н.Я. Данилевский был человеком неравнодушным и заинтересованным всеми сферами познания и деятельности людей. Он интересовался экономикой, политикой, историей, о чём свидетельствуют его многочисленные рукописи: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности» (1867), «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов» (1886), «О пути мадьяр с Урала в Лебедию», «Сборник политических и экономических статей» (1890) (вышедший посмертно).

Такая многогранность познаний и интересов учёного позволяет сделать вывод: Данилевскому была свойственна гибкость и диалектичность ума, он не мог всю жизнь придерживаться одних и тех же взглядов. Интеллект его находился в постоянном развитии. Приблизиться к пониманию психологии учёного помогает статья швейцарского психолога К. Юнга (1875–1961) «Проблема типов в биографике», где он приводит итоги сопоставительной методики исследования биографий знаменитых естествоиспытателей, сделанной В. Оствальдом – немецким химиком и философом. К. Юнг пишет, что, сопоставив биографии значительного числа учёных, В. Оствальд разделил их на два типа: «классический» и «романтический». «Тогда как первый тип, – говорит Оствальд, – отличается всесторонним совершенствованием каждого отдельного дела, но в то же время замкнутым характером и слабым личным влиянием на окружающую обстановку, романтик обращает на себя внимание противоположными свойствами. Ему свойственно не столько совершенствование единичной работы, сколько разнообразие и замечательная оригинальность многочисленных, быстро следующих один за другим трудов, а на своих современников он имеет обыкновенно непосредственное и сильное влияние. И надо подчеркнуть, что быстрота умственной реакции является решающим признаком в вопросе о том, принадлежит ли исследователь к тому или другому типу. Исследователи с большей быстротой реакций суть романтики, исследователи же с небольшой быстротой – суть классики» [12].

Несомненно, Данилевского можно отнести к представителям романтического типа. Большой интерес представ-

ляет недавно найденное дореволюционное издание «России и Европы», где на полях было написано неизвестным, по-видимому, очень близким человеком о Николае Яковлевиче: «...блондин с темно-русыми волосами и серыми глазами, высокого роста и ровной полнотой, напоминающей атлета; с размашистыми манерами и могучим голосом – он, таким образом, представлял редкий тип русского богатыря духа и тела, натура идейная и самобытная. Говорил всегда хорошо, сильно и одушевленно. При этих свойствах чисто русского таланта он соединял трудолюбие и немецкую усидчивость и добросовестность изучения, феноменальной личностью был он и в нравственном отношении. При глубоком знании естественных наук, при громадной эрудиции вообще, он выдавался логичностью мышления и был силен в диалектике. В спорах с другими он всегда брал верх, иначе и быть не могло: его светлый ум, обогащенный реальными знаниями, продуманными самостоятельно, имел свойство быстро схватывать и почти в то же время обнимать предметы со всех сторон. Убежденное одушевление и громкий голос помогали ему заявлять с ним согласие» [13].

Романтикам, пишет К. Юнг, свойственна быстрота «проявляющейся вовне реакций», «ранняя духовная зрелость». Типологизируя интеллект и его реализацию у романтиков, К. Юнг утверждает, «что обычно романтик имеет более благоприятные возможности развития и расцвета, чем классик. Именно он убедительно и открыто выступает перед публикой и непосредственно проявляет свое личное значение во внешних реакциях. Благодаря этому, у него быстро устанавливается множество ценных отношений, оплодотворяющих его работу и благоприятствующих её развитию в ширину» [14].

Но, к сожалению, для этого типа характерна ранняя растрата сил и довольно быстрый закат деятельности, «романтику приходится сравнительно рано заканчивать своё жизненное поприще вследствие чрезмерного истощения» [15]. Все эти черты с полной уверенностью характеризуют личность Николая Яковлевича. Раннее начало научной и творческой работы, большой авторитет у коллег и друзей, разнообразные исследования в области ботаники, зоологии, истории, статистики, политологии и ранний уход из жизни

(62 года). Данилевский являлся ученым открытой души и широкого ума, а также необыкновенно возвышенных человеческих качеств.

Личный друг и издатель Н.Я. Данилевского Н. Страхов в предисловии к изданию основного исторического труда Данилевского «Россия и Европа» писал о товарище так: «По личным своим качествам Н.Я. Данилевский – высокое явление. Это был человек огромных сил, крепкий телом и душою, и притом такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было невозможно, и что он не оставил после себя ни единого врага или порицателя. Оттого его и не знали; в нём вовсе не было свойств, которыми приобретается известность. Его знали только люди, лично с ним сходившиеся, или специально интересовавшиеся тем, что он писал и делал. Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем известным праведникам, которыми спасается наше Отечество» [16].

На этом фоне нелепо выглядят выводы о характере и личных качествах ученого, сделанные американским исследователем творчества Н.Я. Данилевского Р. Мак-Мастером. Хотя Мак-Мастер очень основательно изучил жизнь и творчество Данилевского, высоко оценивал его теорию культурно-исторических типов, но он враждебно воспринял национальные мысли Данилевского о месте и роли славянской цивилизации, называя его «тоталитарным мыслителем». Мак-Мастер пишет: «Итак, в душе Данилевского – ненависть, злоба, страх, стыд, а также неизжитые с молодых лет – романтизм, альтруизм, гуманность. Но все эти чувства надо скрывать: первые проявлять неприлично для порядочного человека, вторые в век утилитаризма и позитивизма суть реликт ушедшей эпохи идеализма и романтизма... Однако злоба и ненависть требовали выхода, объекта, сублимации. Они и нашли своё воплощение в тоталитарной философии "России и Европы"» [17].

Умозаключения зарубежного исследователя наглядно показывают огромную сложность, возникающую при освоении ментальности другой культуры. Оценка личности Данилевского с позиций западного утилитарно-фрейдистского мышления заведомо приводит к ложным

выводам. Хочется привести слова, написанные уже после смерти Николая Яковлевича Страховым: «Но как ни прекрасны его труды, в нём самом было ещё больше добра и света, чем в его трудах. Никто, знавший покойного, не мог не почувствовать чистоты его души, прямоты и твёрдости его характера, поразительной силы и ясности его ума. ...Патриотизм его был безграничный, но зоркий и неподкупный. Не было пятна не только на его душе, но и на самих помыслах. Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с лёгкостью и точностью практических планов» [18].

Через десять лет после опубликования статей в «Отечественных записках» Данилевский знакомится с учением Ч. Дарвина (1809–1882), размышления о котором дали толчок к большой умственной работе. Сам Данилевский вспоминал: «Когда появилось Дарвиново учение, столь победоносно и триумфально пронёсшееся над умственным миром и не менее победоносно и триумфально над ним утвердившееся, я находился в местах весьма отдалённых, хотя по установившейся у нас в юридической номенклатуре они к таковым не причисляются: на пустынных островах и на берегах Белого моря, на Печоре и Мурманском берегу. ...Познакомился я с ним в первый раз в Норвегии (Зимой 1860–1861 гг. Николай Яковлевич, оканчивая свою вторую экспедицию, начатую в 1858 г., был в Норвегии, чтобы познакомиться с тамошним рыболовством. Знаменитая книга Дарвина вышла 1 октября 1859 г.) из статьи *Revue des Deux Mondes*. Это было с лишком двадцать лет тому назад, и с тех пор я могу сказать, что мысль о нём меня уже не покидала» [19].

Через несколько лет после знакомства с трудами Дарвина Данилевский написал свой главный философско-исторический труд «Россия и Европа» (рукопись датирована 1864–1868 гг.), где имманентно воспроизвел основную мысль теории Дарвина о борьбе за существование видов. Остановимся на философско-исторических положениях «России и Европы», рассмотрев их в соотношении с основными идеями дарвиновского учения.

Системообразующей единицей в исторической классификации Н.Я. Данилевского выступает «культурно-

исторический тип». Ученый утверждает, что наряду с царством животных, царством растений существует царство людей, которое живет не только биологической, но и исторической жизнью. Царство людей в истории подразделяется на «культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации» [20], как и царство животных подразделяется на типы как наиболее крупные группы, а царство растений – на отделы. По представлению Данилевского, человеческое общество во Вселенной неотделимо от природы, живет и развивается по законам природы. Важнейшие характеристики видов растительного и животного мира Данилевский переносит на культурно-исторические типы людей.

Несомненно, понятие «культурно-исторический тип» Данилевского соотносится с биологическим понятием «вид». Обратимся к его сущности. Вид (лат. species) – основная единица естественной систематики органического мира (животных, растений и микроорганизмов); представляет собой совокупность популяций, занимающих определенный ареал и состоящих из особей, которые дают при взаимном скрещивании потомство, обладающее нормальной способностью размножаться; «вид характеризуется относительным постоянством и самостоятельностью» [21].

Понятие «вид» было введено английским ботаником Дж. Реем (1627–1705) в конце XVII в., предложившим первую естественную систему растений. В дальнейшем понятие вида разработал шведский врач, натуралист К. Линней (1707–1778). Он на основании сходства наиболее заметных признаков классифицировал растения и животных на виды, роды и классы. К. Линней ввел двойные латинские названия рода и вида, которые используются в науке и по сей день.

Наука до Ч. Дарвина понимала вид как абсолютно неизменяемый отдельный творческий акт всевышнего. Все в природе мудро и гармонично организовано творцом. Таких же биологических воззрений придерживался и Н.Я. Данилевский, который перенес сущностные характеристики вида биологического на вид исторический, назвав его культурно-историческим типом. Каждый культурно-исторический тип самобытен, устойчив, имеет свой пространственный ареал и определенный временной истори-

ческий срок существования. Эти характеристики культурно-исторического типа для Данилевского являются основополагающими.

Ч. Дарвин, в отличие от своих предшественников, на категорию вида смог посмотреть диалектически. «Сам Дарвин отказывался определить термин "вид" и находил все существующие в то время определения неудачными. Однако, говоря о видах, он утверждал, что нельзя сомневаться "в их временном существовании» [22].

Ч. Дарвин смотрит на вид не как на статичное, целостное образование, а как на изменчивое и динамичное. Именно вид, по мнению Дарвина, является основным звеном эволюции. Причем в книге «Происхождение видов путём естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» Дарвин, не давая определения виду, пишет: «...видовые признаки более изменчивы, чем родовые, потому, что они относятся к частям, менее существенным в физиологическом отношении, чем те, на основании которых обычно устанавливаются роды» [23].

Изменения происходят очень медленно и незаметно, но всё же они происходят. Дарвин утверждал, что изменчивость бывает определенная – она зависит от окружающей среды и не наследуется, и неопределенная – она даёт новые признаки и наследуется последующими поколениями. Н.Я. Данилевский в работе «Дарвинизм. Критическое исследование», опровергая учение Ч. Дарвина, утверждал, что наследственность является консервативным началом, сохраняющим постоянство вида. Подобных взглядов на вид придерживался последователь и пропагандист идей Данилевского Н.Н. Страхов и русский ученый первой половины XX в. Л.С. Берг. «Лишь дарвиновское учение об эволюции видов путём естественного отбора (1859) потрясло до основания концепцию постоянства видов» [24].

Насколько продуктивным для истории оказалось по сути неверное, с точки зрения биологической эволюции, понимание вида Данилевским! Вследствие того что Данилевский рассматривал Вселенную и её составные части, в том числе вид, метафизично, а именно обособленно и несколько статично – исторической теории такой взгляд дал значительную новизну.

Процесс эволюционного развития Ч. Дарвиным был раскрыт через механизм естественного отбора. «Сохранение благоприятных индивидуальных различий и изменений и уничтожение вредных я назвал Естественным отбором, или Переживанием наиболее приспособленных» [25]. Борьба за существование между видами, внутри видов и видов с окружающей средой – центральная идея в учении Дарвина.

«Я должен предупредить, что применяю этот термин в широком метафорическом смысле, включая сюда зависимость одного существа от другого, а также включая (что ещё важнее) не только жизнь одной особи, но и успех её в оставлении после себя потомства» [26]. Борьба за существование в живой природе неизбежна. Она вытекает из противоречия между способностью организмов к неограниченному размножению и ограниченными средствами для существования, что ведёт к конкуренции за условия обитания, размножения, за пищу. Эту идею Дарвин заимствует у Т.Р. Мальтуса – английского экономиста, который утверждал, что недостаток средств к существованию обусловлен избытком народонаселения, естественными регуляторами данного процесса выступают войны, эпидемии, тяжёлый труд и т.п.

Идеи Т.Р. Мальтуса подтолкнули Ч. Дарвина к гениальному открытию. Ч. Дарвину удалось через понятия наследственной изменчивости видов, борьбы за существование и естественного отбора показать возможный механизм саморазвития живой природы. Однако концепцию Ч. Дарвина нельзя назвать законченной вследствие того, что механизмы естественного отбора и наследования положительных признаков были открыты и доказаны только с возникновением популяционной генетики в XX в.

С первых шагов развития генетики стало ясно, что наследственность имеет дискретную природу. Любое наследственное изменение – мутация – сохраняется в генной памяти вида и передаётся следующим поколениям. Многие ранние генетики противопоставляли свои исследования учению Дарвина (У. Бэтсон, В. Иогансен, Л.С. Берг) «...Дарвиново представление об эволюции можно обозна-

читать как tuchogenesis (развитие на основе случайностей)», – пишет А.С. Берг [27].

По более продуктивному пути объединения дарвинизма и генетических исследований пошли русские учёные Н.К. Кольцов и его ученик С.С. Четвериков, который в статье «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» (1926) показал закономерности эволюции популяции. Он утверждал, что в естественных условиях внутри каждого вида имеется большое количество наследственных изменений, которые могут и не проявляться в силу своей рецессивности. Потенциально вид насыщен мутациями, составляющими громадный пласт материала для эволюционных изменений.

Данные исследования были поддержаны целым рядом учёных, что в 1930–1940-х гг. привело к возникновению синтетической теории эволюции. Значительный вклад в неё внесли Ф.Г. Добржанский, И.И. Шмальгаузен, Дж. Хаксли и др. [28]

В начале XXI в. теоретическая гипотеза Ч. Дарвина является наиболее устойчивой. Ядро его теории составляет концепция борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных, передающих выгодные признаки своему потомству. Эта концепция занимала центральное место в биологической теории на протяжении ста лет. С некоторыми поправками, внесёнными в неё позднейшими открытиями в области генетики и эволюции, её принимает и большинство современных биологов.

Н.Я. Данилевский высоко оценил дарвиновскую идею борьбы за существование. Во введении к «Дарвинизму» он пишет: «Главнейшее достоинство и значение Дарвинизма вижу я в том побочном обстоятельстве, что он обратил внимание естествоиспытателей на так называемую борьбу за существование, или общее – на отношения организмов к внешнему миру, в особенности же друг к другу... Это открыло целую новую область исследований, в высшей степени интересную и даже практически важную» [29]. Очевидно, что и Данилевский не пренебрёг этой новой областью исследования. Россия и Европа в главном философско-историческом сочинении учёного представлены в качестве двух непримиримых антагонистов, а в соревновании

культурно-исторических типов отчетливо просматривается борьба за существование, побеждает в которой наиболее приспособленный.

Данилевский классифицирует все типы народов, соотнося их с Солнечной системой. То есть во Вселенной есть «космическая материя», кометы, которые то появляются, то на многие века исчезают в безднах пространства [30], и планеты, которые являются светочами, вершинами Вселенной.

Так и народы в истории делятся на три группы. Первую группу Данилевский называет «этнографическим материалом». Эти народы, по мнению автора, не несут в истории ни созидания, ни разрушения, они просто являются строительным материалом, дополнением, которое увеличивает «разнообразие и богатство» других народов, достигающих в истории своей индивидуальности. Народы, являющиеся этнографическим материалом, могут просто занимать историческое пространство.

Вторую группу Данилевский называет «бичи Божьи». Они, по мнению автора, осуществляют разрушительную роль в истории. Как волки-санитары эти народы добивают дряхлеющие, «томящиеся в агонии» цивилизации. Их роль очистительная, и, выполнив свою миссию, они, неожиданно появляющиеся, «скрываются в прежнее ничтожество» [31]. К ним Данилевский относит гуннов, монголов, турок.

Третья группа народов – самобытные цивилизации, или культурно-исторические типы, «высшие исторические единицы» [32]. Они играют созидательную роль в историческом процессе, развиваясь самостоятельно в силу внешних и внутренних факторов, как маяки, как путеводные звезды, они освещают собой историю, вспыхивая, а затем угасая, затухают навсегда. На смену одним культурно-историческим типам приходят новые.

Данилевский назвал двенадцать таких культурно-исторических типов. За исключением двух американских культурно-исторических типов, «погибших насильственной смертью»: мексиканского и перуанского, ученый в хронологическом порядке перечисляет следующие самобытные цивилизации: 1) египетская, 2) китайская, 3) ассириовавилоно-финикийская, халдейская, или древнесемитская,

4) индийская, 5) иранская, 6) еврейская, 7) греческая, 8) римская, 9) ново-семитская, или аравийская, 10) германо-романская, или европейская.

Конечно, выделение данных цивилизаций с точки зрения современной исторической науки представляется довольно спорным. Классификация народов в силу абсолютной несерьёзности с исторической точки зрения даже не подлежит критике, но явно демонстрирует нам результат наложения естественнонаучных воззрений на гуманитарные. В итоге мы получаем классификацию народов первого, второго и третьего сорта, напоминающую расовую теорию Ж. Гоббино и т.п. Но, с другой стороны, обращение к группе «самобытных цивилизаций» как к базисной основе классификации кардинально меняет рассмотрение историко-культурного времени и пространства, что, на наш взгляд, создает условия для возникновения нового метода в историческом исследовании, который впоследствии был с успехом разработан представителями концепции локальных цивилизаций.

Одним из крупнейших координационных центров цивилизационной науки стало Международное общество по сравнительному изучению цивилизаций, у истоков которого стояли А. Тойнби, П. Сорокин и А. Кребер. С 1970-х гг. в США проводятся ежегодные конференции этого общества, в которых участвуют десятки учёных из разных стран [33]. Имя Н.Я. Данилевского по праву называется в числе основоположников цивилизационной теории. Отечественный исследователь творчества Данилевского на Западе Ю.С. Пивоваров в своём труде «Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке» отмечает, что через пять лет после смерти Н.Я. Данилевского его «Россия и Европа» была переведена на французский язык, а в 1920 г., через 35 лет после смерти – на немецкий язык. «Нередко о Н.Я.Данилевском говорят как о первопроходце, заложившем ныне популярный на Западе пространственно-временной локализации явлений культуры. Именно так был оценен вклад... Международным обществом сравнительного изучения цивилизаций» [34].

Н.Я. Данилевский не останавливается на классификации народов в истории, он показывает связь «самобыт-

ных цивилизаций» через понятия «преемственность» и «уединённость»; взаимодействие народов в истории через термины «пересадка», «прививка», «удобрение». Учёный раскрывает механизм жизненного цикла цивилизаций, а также даёт критерии анализа и оценки самобытных культурно-исторических типов по четырём основаниям.

Итак, среди культурно-исторических типов Данилевский выделяет преемственные и уединенные. Уединенные культурно-исторические типы развиваются обособленно и не передают своих достижений другим. Преемственные культурно-исторические типы передают лучшее в своей культурно-исторической деятельности, как бы создавая плодотворную почву для появления новых цивилизаций. Среди преемственных культурно-исторических типов Данилевский перечисляет шесть: «преемственными типами были: египетский, ассиро-вавилоно-финикийский, греческий, римский, еврейский и германо-романский, или европейский» [35], но чуть позже неуверенно называет уже «пять или шесть цивилизаций, своевременно сменявших одна другую» [36].

Среди «совершенно уединенных цивилизаций» Данилевский называет китайскую и индийскую. Тем самым в рассуждениях автора мы видим некоторую слабость его исторических познаний, хотя Данилевский и не претендует на лавры историка-специалиста, для него важнее принцип, новый взгляд на философию истории. И это разделение культурно-исторических типов на преемственные и уединенные говорит о том, что автор «России и Европы» не отрицал исторической преемственности, исторического опыта, наработанного предыдущими народами. Напротив, сравнивая Восток и Запад, преимущество Запада Данилевский объясняет именно тем, что западная цивилизация, являясь результатом последовательно сменяемых преемственных культурно-исторических типов, далеко превзошла уединенные восточные цивилизации. «Вот, – пишет автор, – самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя» [37].

Зачастую его концепцию называют «изоляционистской» моделью «замкнутых» культурно-исторических типов. Это абсолютно не так. Данилевский выделяет в своем труде

несколько форм межцивилизационного взаимодействия: «пересадка», «прививка», «удобрение».

«Пересадка». Здесь имеется в виду «колонизация» и экспансия одной цивилизацией других. В этой форме взаимодействия один культурно-исторический тип, считающий себя наиболее совершенным, насаждает свою культуру, образ жизни, политическое устройство и так далее другим народам, подавляя их самобытность, «дабы обратит их со временем в подчиненный, служебный для высших целей этнографический элемент, мягкий, как воск и глина, и принимающий без сопротивления все формы, которые ему заблагорассудят дать» [38]. Этот тип взаимодействия наиболее вреден и страшен, он надолго тормозит историческое развитие колонизируемых народов или вовсе приводит к их уничтожению, как это произошло с местным населением Америки.

«Прививка». При данной форме взаимодействия культурно-исторический тип «цивилизатор» распространяет, ассимилирует свой, «формационный», «образовательный» принцип на другой народ – «дичок». «Надо быть глубоко убежденным в негодности самого дерева, чтобы решаться на подобную операцию, обращающую его в средство для чужой цели» [39]. Здесь, по сути, так же, как и в первом случае, цивилизуемый народ лишается своего оригинального развития и предоставляет лишь пространство и народный материал для экспериментов чужой культуры; так было с кельтскими народами, которым привилась римская культура, с Александрией в Египте и Россией эпохи Петровских преобразований.

«Удобрение». Это самый плодотворный способ взаимодействия. Главное его условие не насильственное привнесение самобытных начал от развитого культурно-исторического типа только еще начинающему свое становление, а разумное знакомство с достижениями более развитых цивилизаций. Данилевский убежден: накопленный исторический опыт перенимать можно и нужно, но заимствование должно касаться только «выводов и методов» науки, приемов и усовершенствований в области техники, искусства, промышленности. Все, что касается «сферы народности», самобытного мировоззрения, менталитета наро-

да «может быть только принимаемо к сведению» [40]. «Только при таком свободном отношении народов одного типа к результатам деятельности другого, когда первый сохраняет свое политическое и общественное устройство, свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств, как единственно ему свойственные, одним словом, сохраняет всю свою самобытность, – может быть истинно плодотворное воздействие завершенной или более развитой цивилизации на вновь возникающую» [41].

Описывая эволюцию культурно-исторических типов, Данилевский выделил три этапа: этнографический, государственный и цивилизационный. Каждый культурно-исторический тип выходит из этнографического состояния и возвращается в него. Период этнографического состояния культурно-исторического типа может длиться тысячами, в это время закладываются основы самобытности народа, его психология, склад ума, характер, которые впоследствии и дадут «всю оригинальность племени» [42].

Далее следует государственный период, когда народ уже выделяет себя как самостоятельную «политическую единицу», как бы ограждая свою внешнюю жизнь. Его Данилевский также не определяет четкими хронологическими рамками. Последний завершающий период становления и расцвета культурно-исторического типа – период цивилизации. В этот период народ, накопив огромный потенциал, должен реализовать его. Данилевский пишет: "...период цивилизации есть время растраты – растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания».

В период цивилизации народы, составляющие культурно-исторический тип, проявляют весь свой духовный потенциал, который может выражаться в любых сферах деятельности «...не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния» [43]. У каждой цивилизации свой срок, отпущенный историей. Старение и смерть наступают, когда в народе или народах, составляющих культурно-исторический тип, иссякает творческая сила. Тогда в «апатии отчаяния» или «апатии самодовольства» цивилизация тлеет, ожидая свой конец, и либо «бичи Божии», либо время

низводят отживший свой век культурно-исторический тип до уровня строительного этнографического материала, из которого через века может возникнуть новый культурно-исторический тип, но гегемоном его будет уже другой, свежий народ, накопивший самобытный потенциал.

Н.Я. Данилевский формирует пять основных законов исторического развития, исходя из своей системы. Первый: каждый культурно-исторический тип должен объединять один язык или группа похожих языков; второй: каждый культурно-политический тип должен быть политически независим; третий: самобытность одного культурно-исторического типа не должна передаваться другому; четвертый: в культурно-исторический тип должны входить разнообразные этнографические элементы; пятый, который собственно и утверждает циклический характер исторических взглядов Данилевского, гласит, что жизнь у каждого культурно-исторического типа одна. Она имеет длительное становление, рост, короткий расцвет, плодоношение и смерть.

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, – для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно ...составляет самобытный культурно-исторический тип... Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью. Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие... составляют федерацию, или политическую систему государств. Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов ближе всего уподобляется тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [44].

Эти законы Данилевский считает основополагающими для установления естественной системы в исторической науке. Если первые два закона не являются спорными, естественно, каждый народ, желающий сохранить свой ход истории, должен быть политически независим и сохранять свой язык, то три последующих закона в большей степени отражают оригинальность взглядов автора. Особенно хотелось бы остановиться на третьем законе, который гласит, что самобытность одной цивилизации не должна передаваться другой. Здесь очень важно понять мысль автора, поскольку этим законом он вскрывает важнейшую грань истории – взаимодействие цивилизаций и народов друг с другом.

Понятие самобытности культурно-исторического типа Данилевский расширяет термином «основность». Основы определяются набором четырех критериев: религиозным, культурным (художественный, научный, технический), политическим и общественно-экономическим. Основы культурно-исторических типов и являются критериями самобытности цивилизации. Отталкиваясь от данной классификации, Данилевский названные им самобытные цивилизации подразделяет на смешанные, одноосновные, двухосновные и четырехосновные.

К смешанному типу, или аутохтонно-первичному, Данилевский относит пять цивилизаций: египетскую, китайскую, вавилонскую, индийскую и иранскую. Он утверждает, что эти типы создавали себя сами «на разных точках земного шара» [45]. Как бы подготавливая почву для возникновения последующих культурно-исторических типов, первые цивилизации развивали все основы: и религию, и культуру, и политику, и общественно-экономическую организацию, и выделить среди этих основ лидирующую, по мнению автора, невозможно, так как все они находились в смешении.

Одноосновными культурно-историческими типами Данилевский называет еврейский, греческий и римский. Эти цивилизации развивались уже на плодородной почве, подготовленной аутохтонными культурно-историческими типами и, заимствуя у них большинство основ, развивали одну собственную самобытную: еврейский – религиозную,

греческий – собственно культурную, римский – политическую.

Далее, по мнению Данилевского, должен был возникнуть культурно-исторический тип, который бы уже на более высоком, качественном уровне развил в себе более одной самобытной основы. И таким типом стал европейский, так как он развивался на плодородной почве римского и греческого типов, но смог сохранить свои германские корни и реализовать их, получив плоды в политической и культурной (научно-технической) основах. Данилевский на множестве примеров доказывает уникальный характер европейской цивилизации: «...с политической и собственно так называемой культурной стороны результаты исторической жизни Европы громадны» [46]. Европейцы сумели создать и распространить на многие континенты «...отвлеченно-правомерные отношения как граждан между собою, так и граждан к государству ...они успели соединить политическое могущество государства с его внутреннею свободою, то есть решили в весьма удовлетворительной степени обе стороны политической задачи» [47].

Н.Я. Данилевский очень высоко оценивает достижения европейской цивилизации в политическом основании, но еще более плодотворной Европа оказалась в культурном отношении. А именно в научно-технической области европейцам нет равных. Англичане преуспели в геологии, французы – в прикладной математике, немцам принадлежит первенство в сравнительной филологии. Тот факт, что в европейский культурно-исторический тип входят различные национальности, еще более разнообразит подходы и методы разных наук. Данилевский убежден, что наука тоже несет на себе отпечаток национальной самобытности, так как разные народы предпочитают разные области знаний; способности разных народов заставляют по-разному смотреть на предмет изучения; и в целом самобытный взгляд на объективную действительность выражается в народном характере. Чем больше цивилизация вбирает в себя национальностей, тем более разнообразными будут плоды их деятельности.

Переходя к описанию славянского культурно-исторического типа, Данилевский пишет преимущественно

о России, поскольку это единственное независимое славянское государство. Славянский культурно-исторический тип еще не проявил себя в мировой истории. По большому счету его еще нет. Но Данилевский ставит своей задачей «рассмотреть результаты и задатки еще начинающейся только его культурно-исторической жизни...» [48].

Обратимся к пониманию Данилевским направленности исторического развития. Он не отрицает понятия прогресс, но вкладывает в него самостоятельный исторический смысл. «Прогресс состоит не в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [49].

Как мы видим, Данилевскому более свойственна метафизичность в мировосприятии, которую он переносит и на историю. Отойдя от классического понимания прогресса, как «перехода от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному» [50], Данилевский провозглашает новое направление исторического исследования – разнонаправленность. Он отмечает, что народы «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают» [51] не только от внешних, но более от внутренних причин. Внешние скорее помогают скорейшей гибели уже после внутренней смерти. Так погибли Египет и Византия, в дряхлеющем состоянии Индия, а Китай в уединении выработал огромную силу противодействия и представляет собой исключение. Страны, которые находились на пути движения народов, замещались новыми быстрее, и именно это, по мнению Данилевского, Западу, который был в наиболее бойком месте, придает иллюзию прогрессивности. Но в действительности, смысл понятия «прогресс» искажался, и, следовательно, он не составляет привилегии Запада или Востока.

Действительно, исторический прогресс, по Данилевскому, состоит в том, что каждая цивилизация, сменяя другую, привносит в общий исторический процесс что-то новое, но если обратиться к критерию оценки культурно-исторических типов – основности, мы увидим, что в ходе исторического времени она нарастает, следовательно, становится совершеннее.

Больше оснований имеют культурно-исторические типы, точнее, один, европейский тип, появившийся и развивающийся на «удобренной» римлянами почве, следовательно, совершивший полезное заимствование. Значит, прогресс все же направлен к «более совершенному», а именно славянскому четырёхосновному типу.

Мы полагаем, что в исторической концепции Данилевского, наряду с идеей борьбы цивилизаций, подспудно присутствует и идея естественного отбора. Учёный говорит о полезном ученичестве, заимствовании «выводов и методов положительной науки, технических приёмов и усовершенствования искусств и промышленности» [52], всего, что не затрагивает «сферу народности». В соревновании между цивилизациями побеждает культурно-исторический тип, сумевший в себе совместить гены предшественников и собственное самобытное основание. Сам Данилевский прямо указывает наиболее удачливые культурно-исторические типы: греческий, римский и европейский, развитие которых шло на основе уже накопленных полезных признаков в Египте и Финикии, Греции, Риме, потенциально создавших благоприятную почву последователям. Именно такое сочетание является залогом будущего расцвета.

Данилевский, постулируя локальность, обособленность, разнонаправленность в развитии «Самобытных цивилизаций», внешне не изменяет своим принципам целостного, упорядоченного восприятия Вселенной как «общего гармонического плана» [53]. Однако в «России и Европе» присутствует дарвиновская эволюционная диалектика. Одним из источников теории культурно-исторических типов можно считать эволюционное учение оппонента Н.Я. Данилевского – Ч. Дарвина. Н.Я. Данилевский биологический вид и культурно-исторический тип понимает как относительно устойчивые единицы; межвидовая борьба дает наиболее приспособленные особи, эволюционное развитие определяет улучшение признаков. Как следует из «России и Европы», аналогичные процессы свойственны культурно-историческим типам. Имманентно идея прогресса все же присутствует в «России и Европе».

Присутствует в главном историческом труде Данилевского и идея естественного отбора, происходящего в ходе борьбы за существование, обоснованная Ч. Дарвином. Тем самым считаем уместным введение термина «дарвинизм Н.Я. Данилевского», объясняющего эволюционные основания, присущие концепции культурно-исторических типов. Принятие эволюционизма Ч. Дарвина способствовало становлению диалектизма теории истории Н.Я. Данилевского. В этом заключается «дарвинизм» Н.Я. Данилевского.

Примечания

1. Данилевский Н.Я. Дютроше // Отечественные записки. СПб., 1848. Т.58; Данилевский Н.Я. Космос // Отечественные записки. СПб., 1848. Т.58–59.
2. Данилевский Н.Я. Космос // Отечественные записки. СПб., 1848. Т. 58–59. С. 17.
3. Данилевский Н.Я. Космос // Отечественные записки. СПб., 1848. Т. 58. С.25.
4. Данилевский Н.Я. Космос // Отечественные записки. СПб., 1848. Т. 58. С.18.
5. Там же. С. 18.
6. Там же. С. 16.
7. Там же. С. 17.
8. Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1: Детство и юность. Пг., Издание семьи. 1917. С.180.
9. Там же. С. 197.
10. Данилевский Н.Я. Дютроше // Отечественные записки. СПб., 1848. Т.58. С.2.
11. Вступительная статья Страхова Н.Н. // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 5. СПб., 1895. С.6.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. Мн., 1998. С.357.
13. Николай Данилевский: 175 лет: Матер. IV обл. ист.-филос. Чтений. Липецк, 16–17 дек. 1997 г. Липецк, 1998. С.13.
14. Юнг К.Г. Психологические типы. Минск, 1998. С.362.
15. Там же. С. 364.
16. Вступительная статья Страхова Н.Н. // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 5, СПб., 1895. С. 16.
17. Пивоваров Ю.С. Николай Данилевский: в русской культуре и в мировой науке // Мир России. Т.1. 1992. №1. С.194.
18. Вступительная статья Страхова Н.Н. // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Изд. 5., СПб., 1895. С. 17.
19. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1889. Т.1. Ч.1. С. 22–23.
20. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

21. Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960–1970. Т.1. С. 254.
22. Там же.
23. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М., 1935. С. 382.
24. *Миклин А.М.* Эволюционная теория: век XX. СПб., 1999. С.80.
25. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М., 1935. С. 328.
26. Там же. С. 316.
27. *Берг Л.С.* Теории эволюции. СПб., 1992. С.115.
28. *Добржанский Ф.Г.* Генетика происхождения видов. М., 1937; *Шмальгаузен И.И.* Пути и закономерности эволюционного процесса. М., 1939; *Факторы эволюции.* М., 1946; *Проблемы дарвинизма.* М., 1946; *Хаксли Дж.* Эволюция: современный синтез. М., 1942.
29. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1889. Т.1. Ч.1. С. 24.
30. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С.89.
31. Там же.
32. Там же. С. 103.
33. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998. С.34.
34. *Пивоваров Ю.С.* Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1992. Т.1. №1. С.167.
35. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 88.
36. Там же. С. 88.
37. Там же.
38. Там же С. 99.
39. Там же. С. 100.
40. Там же. С. 101.
41. Там же. С. 100.
42. Там же. С. 107.
43. Там же. С. 106.
44. Там же. С. 91–92
45. Там же. С. 472.
46. Там же. С. 479.
47. Там же.
48. Там же.
49. Там же. С. 87.
50. Философская энциклопедия: В 5 т. / Под ред. Ф.В. Константинова. М., 1960–1970. Т.4. С. 379.
51. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С.74.
52. Там же. С.100–101
53. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1889. Т.1, Ч.2. С. 528.